

Наглядные итоги всеобщей стачки

Григорий Петрович Максимов

1934

В прошлом номере „Дела Труда мы указали на знаменательное явление, которое происходит в недрах американского пролетариата — на пробуждение классового самосознания и на проявление воли к действию. Мы выразили тогда уверенность, что за этим сознанием неизбежно должно придти и действие. Мы не обманулись. Нам не пришлось долго ждать действие пришло и пришло оно в форме неожиданной и внушительной всеобщей стачки в Сан-Франциско: явление, можно сказать, почти совершенно новое для Америки и в тоже время весьма знаменательное. Не менее знаменательными являются и слова В. Брауна, лидера союза грузовых шоферов Миннеаполиса, который, обращаясь к рабочим, спросил их: „Позволим ли мы этим людям (полиции) расстреливать нас, как собак, или мы начнём оказывать сопротивление?“ Всеобщая стачка и слова Брауна свидетельствуют о чрезвычайно важном и глубоком повороте американского пролетариата, эксплуатируемого буржуазией и своими юнионными лидерами, сделавшими союзы, с помощью властимущих, крепостью капитализма и источником личной наживы. Но рабочие союзы, как мы утверждали в прошлом номере, даже самые реформистские, самые жёлтые при благоприятных условиях могут осознать свою рабочую природу и истинную рабочую цель и из крепости капитализма стать его могилой. И вполне возможно, что сан-францискская всеобщая стачка явится началом такого превращения. Вполне возможно, что она станет исходным пунктом развития американского рабочего движения на новых путях, — на новых только, конечно, для Америки, — ведущих к революционной классовой борьбе, к признанию, единственно правильных, методов прямого действия и к постановке основной задачи пролетариата — уничтожение капитализма и государства. Таким образом американский пролетариат начинает подходить к тому, к чему давно уже пришел европейский пролетариат. И это вполне естественно и логично, ибо одинаковые причины порождают и одинаковые следствия. Выявление этих следствий задерживалось в Америке искусственно, но, как всегда и во всем, логика исторического развития несравнимо сильнее личных и классовых желаний. Процесс социального развития, как показывает долгий исторический опыт, идёт по линии изживания современной государственно-капиталистической системы, этот процесс можно замедлить, но приостановить его нельзя. Не приостановила его, как показывают развивающиеся события, и капиталистическая Америка это не по

силам не только ей, но и всему Капиталистическому Интернационалу. Теперь, когда рабочие, против воли капиталистического телохранителя-Государства, и против воли Грина и всех остальных лакеев капитализма, вкусили сладость плода всеобщей локальной стачки, можно ожидать, что, рано или поздно, но неизбежно, придёт и всеобщая национальная стачка, а за ней, а может быть и раньше, к американскому пролетариату придёт неизвестное ему до сих пор, благодаря стараниям Гринов и Джансонов, чувство международной солидарности.

Можете себе представить как тогда перетрусит госпожа буржуазия, которая теперь от одной только локальном всеобщем стачкам пришла в неопишувемый ужас и впала в страшную истерику! А момент этот приближается с каждым днём: беспощадно проливаемая кровь бастующих рабочих цементирует рабочую солидарность и очищает затуманенный взор пролетариата в миллион раз лучше и скорее, чем устная и печатная пропаганда всех радикалов. Прекратить же расстрелы буржуазия не может, ибо жестокость — её природа, террор — метод управления, следовательно, неизбежность и неотвратимость этого момента очевидна. Буржуазия понимает все это и понимает гораздо лучше, чем огромное большинство рабочих, поэтому-то она и борется с распространением идём всеобщей стачки с энергией человека, защищающего свою жизнь. Она, поэтому, проповедуя мораль, пускает в ход для защиты себя все средства, не заботясь о их моральности. Она не брезгает решительно ничем, она пускает в ход решительно все, что в той или иной мере может защитить и укрепить её господство клевета, ложь, обман, вероломство, подкупы, предательство, разжигание низменных страстей масс, наускивание одной части населения на другую, одной нации на другую, патриотизм, религия, (Христос для масс, а Макиавелли для себя), погромы, убийства все, все пускается в ход. Все это наглядно обнаружено всеобщей стачкой в Сан-Франциско.

В этом отношении является характерным реагирование буржуазии, в лице её крупных представителей и прессы, которой нет, к сожалению, у пролетариата, на всеобщую стачку, которая только что закончилась в Сан-Франциско. Прежде всего буржуазия начала искать образцов подавления таких стачек. Английская всеобщая стачка 1926 г. оказалась таким образцом. Тогда правительство «кооперировало с добровольческими группами населения», т.е. организовывало штрайкбрехеров, стачколомов; газеты подчеркнули это обстоятельство и рекомендовали своему правительству поступить соответствующим образом, что незамедлило сделать Сан-Францисское самоуправление: оно организовало погромные группы. Брисбейны отметили другую сторону борьбы английского правительства со всеобщей стачкой: они подчеркнули, что стачка была разбита не только публикой, но и законом, по которому „не только всеобщая стачка была объявлена «незаконной», но Палата постановила, что всякий, принимающий участие в подобной стачке, и рабочие лидеры, ответственные за призывы к ней, должны быть наказуемы конфискацией их собственности «до последнего фартинга», а так же конфискацией союзных фондов. Это напоминание одновременно есть рекомендация и требование, чтобы американское правительство поступило таким же образом, конечно, во имя демократии и прав большинства народа, которым, несомненно, ныне является никто иные как Брисбейны и их хозяева Горсты.

Главноуговаривающий генерал Джансон считает, исходя из интересов рабочих, что «стачки — необходимое зло... но, как войны, они ничего никому не дают, кроме кровопролития и синяков». Он абсолютно ничего не имеет против разрозненных стачек, в которых рабочие получают синяки, но он самым решительным образом, тоже в интересах рабочих, против солидарных, объединённых стачек, всеобщих стачек, от которых получает синяки буржуазия, ибо для генерала такая стачка означает гражданскую войну, и генерал, конечно, в интересах всей нации, под которой генералы понимают себя только, а рабочие думают, что и их тоже, кричал: «Стачка должна быть остановлена!»

Всеобщая стачка, внушал рабочим генерал, представляя диктатуру ничтожнейшего меньшинства, есть „диктаторское тираническое правление меньшинства...” «Это правление меньшинства. Это диктатура. Это конец демократии. Это тирания и она не может быть терпима свободным народом даже в течении одного момента». Это классическое выражение буржуазной лжи и обмана неподражаемо и настолько сильно, что мистера Грина прошибла даже слеза умиления и он публично заявил, что рабочие Сан-Франциско допустили страшную ошибку. Генерал выражал уверенность, что «консервативные лидеры рабочих выиграют борьбу против всеобщей стачки». К сожалению, он в этом не обманулся, оказывается, и в рабочем движении имеется достаточно людей, которые легко соблазняются правительственной ценой за голову Дилинжера охотно разыгрывают роль „девицы в краном” в течении многих-многих лет. К такому разряду людей, несомненно, принадлежит господин председатель А.Ф.Т. Грин, перепугавшийся всеобщей стачки больше, чем сама буржуазия, эксплуататор рабочей нищеты и лакей капитализма по призванию — для него, видите ли, договоры с хозяевами рабочие должны с вить выше симпатии к своим братьям и стачки по симпатии считать противны духу и букве А.Ф.Т.

Городской голова Питтсбурга, Мак-Нейр, Сан-Францискую стачку обозвал „анархией“ и потребовал, чтобы все городские служащие Питтсбурга, состоящие членами юнионов, немедленно оставили их, потому что это ведёт к правлению толпы, и чтобы они были лояльны к городской администрации, которая отечески о них заботится. Порядок, устанавливаемый толпой, т. е. трудовой массой, есть „анархия“, а порядок, устанавливаемой золотой толпой, к которой принадлежат Мак-Нейры, есть, видите ли, демократия, лояльность к которой — верх патриотизма. В какую бы буржуазную газету мы не заглянули, мы видим одного виноватого, одного бандита, одного Дилинжера, одного врага общества № 1 — бастующих рабочих, вторая сторона, представляющая народ, т. е. хозяева, есть невинная жертва этого ужасного бандита, против которого государство выступило с армией, полицией, бомбами, газами, пулемётами, артиллерией, танками, прессой, радио, театром, церковью, тюрьмой и деньгами. Этот коллективный бандит, т. е. пролетариат, выступает против всего этого с единственным оружием, насчитывающим за собой века и всегда победоносным, — с братской солидарностью.

Эту то вот рабочую солидарность в борьбе Джансоны и называют „анархией”, „диктатурой меньшинства”, „тиранией” и „гражданской войной”, „явлением неамериканским и непатриотическим”. Поэтому господа буржуа, прежде чем вступить в переговоры с рабочими, всегда требуют сложить это оружие и распустить стачку. Итак, выходит, что борьба рабочих против диктатуры эксплуататоров, борьба за

подлинную экономическую и политическую демократию есть конец демократии, диктатура меньшинства — (Рабочие меньшинство, а капиталисты — большинство, демократия!). Простая же борьба рабочих за кусок хлеба с маслом — красная революция, которая приведёт к тому же, к чему привели Россию большевики, А между тем требования этой „красной революции”, совершенной доковыми рабочими, очень и очень скромны: 1) Признание хозяевами Союза; 2) Контроль союзами зал найма; 3) Увеличение заработной платы и 4) Уменьшение рабочей недели. Вот из за чего буржуазия подняла такой крик. Хозяева отказались удовлетворить требования рабочих, пригласили полицию, создали своё наёмное войско (чисто американское явление и, по-видимому, с точки зрения американских законоведов, вполне конституционное и демократическое) — и под их охраной стали нанимать стачколомов. Протестующих забастовщиков 5-го июля расстреляли и для большей обеспеченности ввели в город 5,000 национальной гвардии штата Калифорнии. После этого идея всеобщей стачки быстро охватила рабочих и союз за союз стали выходить на забастовку по симпатии, стачка приняла всеобщий характер. В среде буржуазии начался „великий трус”. Заработала машина капиталистической лжи — пресса, которая стала обрабатывать общественное мнение в пользу бедных хозяев против ужасных стачечников.

„Стачка вызвана радикальным меньшинством, среди которого имеются некоторые коммунисты, в целях индустриальной революции на Тихоокеанском побережье”. (Почему только на побережье — это секрет перепугавшихся буржуазных ворон, видящих в каждой стачке призрак своего конца).

„Лидер стачечного комитета моряков, Герри Бридж, — австралиец”. „Всеобщая стачка — результат агентов провокаторов”. „Стачечники хотят установить пролетарское правление”. Агенты русского правительства за спиной стачечников. Иностранцы — главный возбуждающий элемент. „Позволят ли сан-франциские рабочие, спрашивала буржуазная пресса, этим тёмным элементам захватить союзы и уничтожить их во имя своих тёмных целей?”

Отсюда истерические крики: „Войска, больше войска! Даёшь военное положение! Выслать всех иностранцев! Привести в полное действие закон о криминальном синдикализме! Уничтожайте радикалов, как крыс! Организуйте добровольческие дружины граждан для погромов на радикалов! И чёрная сотня „истинно американских людей”, как в царской России, под водительством вице-председателя паровой линии, Чарльза Вилера, начала орудовать: громить помещения рабочих союзов и клубов, уничтожать обстановку — (собственность, знаете-ли, священна и неприкосновенна только когда она в руках буржуазии) и разламывать черепа рабочим. Страж порядка, — полиция содержимый за счёт трудового населения для угнетения этого же населения, всегда, конечно, как в России во время еврейских погромов, опаздывала прибыть на защиту демократических прав избиваемых! Рабочие, арестованные сотнями, только потому что они радикалы по предположению чёрной сотни и полиции (вполне конституционная мера защиты свободы совести, политических убеждений и прочих гражданских свобод!) — загонялись в полицейские кутузки, как военно- пленные, и судья — живое олицетворение беспристрастия — „беспристрастно” поносил арестованных и обещал их „беспристрастно судить по большевистскому образцу, всех оптом, не занимаясь выяснением степени индивидуальной „виновности” каждого в отдельности! А господин Брисбейн, оберлакей

Горста, издеваясь над рабочими, так успокаивал своих хозяев: „Мощные танки армии Соединённых Штатов достаточно сильны, чтобы вспахать кирпичные стены и почти нечувствительны к бросаемым палкам, камням и бутылкам, произвели впечатление на публику, забастовщиков и др.“ Этот же Брисбейн, заполняющий бесчисленные газеты Горста, разыгрывая роль русских погромщиков: Пуришкевича и Маркова 2-го, оправдывает погромы и издевается над жертвами: „Те, которых громили, если они действительно были коммунисты и „красные“, стали жертвами „прямого действия“, которое, как известно, они сами рекомендовали. Они, поэтому, не в состоянии протестовать против методов, в которых нет необходимости там, где существуют суды“. Вот всё это рабочие должны знать, соответственным образом понимать и расценивать. Рабочие должны заранее представить себе, на что будет способна буржуазия, когда дело действительно коснётся вопроса её существования, как класса. Рабочие не должны забывать, что имеется только две нации — пролетариат и буржуазия — между которыми не может быть мира, а только война неотвратимо победоносная для пролетариата. Чем лучше пролетариат будет организован, чем яснее будет сознавать он свои цели и свою историческую миссию тем скорее придёт победа и воцарится мир, свобода и благоденствие на земле!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Григорий Петрович Максимов
Наглядные итоги всеобщей стачки
1934

Дело труда, Nr. 81 / 1934

ru.anarchistlibraries.net